

Научная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-33-43>

М. А. ВРУБЕЛЬ И Л. Н. ТОЛСТОЙ КАК «ГЕНИИ-ОХРАНИТЕЛИ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

**Антонина Владимировна
Ключарева**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, Tony-kl@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-1941-5480>

Аннотация. Целью статьи является анализ восприятия творческого и религиозно-философского наследия Л. Н. Толстого одним из наиболее ярких представителей художественной культуры символизма М. А. Врубеля. В российской исторической науке личность Толстого редко рассматривается с точки зрения его влияния на художественную культуру России конца XIX – начала XX веков в целом. Традиционно Л. Н. Толстого связывают с реалистической живописью, творчеством художников-передвижников. Широко известно, что тесные дружеские отношения связывали Л. Н. Толстого и И. Е. Репина, Н. Н. Ге был другом и последователем писателя, его даже часто называют «толстовцем», И. Н. Крамской бывал в доме Л. Н. Толстого. Известно, что личность и творчество Л. Н. Толстого глубоко волновали, Е. Блаватскую, В. С. Соловьева, Вячеслава Иванова, Д. Мережковского и З. Гиппиус, А. Белого, А. Блока, А. Добролюбова, художников Н. Рериха, Л. О. Пастернака, А. Бенуа, К. Коровина, скульпторов П. П. Трубецкого, А. С. Голубкину. Особое место в этом ряду занимает Михаил Врубель. Сопоставив данные источников разных периодов жизни художника, можно прийти к выводу о том, что в системе мировоззрения Врубеля Л. Н. Толстой занимал важное место. Однако его восприятие изменялось в течение жизни художника. От уважения и почитания в юности пришло к открытому неприятию в последнее десятилетие жизни. Проанализировав имеющиеся источники, можно говорить о трех направлениях критики М. Врубелем Л. Н. Толстого – его художественное творчество; эстетическая концепция, выраженная в трактате «Об искусстве», «О Шекспире и драме»; религиозно-нравственная система, моральные принципы которой «о непротавлении злу насилем», «о всеобщей любви» и др. вызвали негодование художника, хотя в открытую полемику с Толстым он никогда не вступал.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, М. А. Врубель, история русской культуры, символизм, искусство, эстетика, живопись, литература.

Для цитирования: Ключарева А. В. М. А. Врубель и Л. Н. Толстой как «гении-охранители» русской культуры // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 33–43. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-33-43>.

Сведения об авторе: А. В. Ключарева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 930.85

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-33-43>

MIKHAIL VRUBEL AND LEO TOLSTOY AS «GENIUSES-GUARDIANS» OF RUSSIAN CULTURE

Antonina V. Klyuchareva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, Tony-kl@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-1941-5480>

Abstract. The purpose of the article is to analyze the perception of the creative and religious-philosophical heritage of Leo Tolstoy by Mikhail Vrubel, one of the most prominent representatives of the symbolist art culture. Russian historical science rarely considers Tolstoy's personality in terms of his influence on the artistic culture of Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries as a whole. Traditionally, Leo Tolstoy is associated with realistic painting, with works by Peredvizhniki movement (the Wanderers). It is widely known that close friendship bound Leo Tolstoy and Ilya Repin; Nikolay Ge was a friend and follower of the writer, he was even often called "Tolstoyian"; Ivan Kramskoy visited the house of Tolstoy. It is known that E. Blavatskaya, V. Solovyov, V. Ivanov, D. Merezhkovsky, Z. Gippius, A. Bely, A. Blok, A. Dobrolyubov, artists N. Roerich, L. Pasternak, A. Benois, K. Korovin, sculptors P. Trubetskoy, A. Golubkina were deeply moved by the personality and work of Leo Tolstoy. Mikhail Vrubel occupied a special place among these people. By comparing the sources from different periods of the artist's life, it is possible to conclude that Tolstoy took an important role in Vrubel's system of world-view. However, his perception changed throughout the artist's life. Respect and reverence in his youth turned into open rejection in the last decade of his life. Having analyzed the available sources, it is possible to speak about three vectors of M. Vrubel's criticism of Leo Tolstoy – his artistic creativity; aesthetic concept expressed in the treatise "On Art", "On Shakespeare and Drama"; religious and moral system, the moral principles "about non-resistance to evil by violence", "about universal love" etc. They aroused the artist's indignation, although he never engaged in an open polemic with Tolstoy.

Keywords: L. N. Tolstoy, M. A. Vrubel, History of Russian culture, symbolism, art, aesthetics, painting, literature.

For citation: Klyuchareva, AV 2023, 'Mikhail Vrubel and Leo Tolstoy as «Geniuses-Guardians» of Russian Culture', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (13), pp. 33–43, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-33-43> (in Russ.)

Information about the Author: *Antonina V. Klyuchareva* – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Наращение кризисных явлений в общественной жизни способствовало появлению новых направлений в художественной жизни Европы, а затем и России. Очень многие творческие люди, в том числе и Л. Н. Толстой, пытались осмыслить происходящее. В то же время в 90-е годы XIX века в недрах классической культуры рождаются новые направления и движения, представители которых мыслили не традиционно, обращались к античной литературе и искусству, а также пытались взглянуть далеко в будущее. В данном контексте «новым ростком на дереве европейской культуры» стал русский символизм, который, по мнению Аврил Пайман, следует «рассматривать в тесной связи с современным ему искусством и литературой» [12, с. 10].

Для многочисленных представителей этого нового направления в русской культуре вопросы о социальной несправедливости, ставившиеся Л. Н. Толстым, его религиозные искания, размышления о проблемах культуры и искусства, были интересны и важны, а некоторыми взяты за основу творчества.

В российском искусствознании личность Л. Н. Толстого прежде рассматривалась в тесной связи с реалистической живописью, творчеством художников-передвижников. Актуальность заявленной темы определена недостаточным вниманием к проблеме восприятия творчества Л. Н. Толстого представителями художественной культуры символизма и, в свою очередь, отношения Толстого к ним.

Материалы и методы

Работа строится на комплексном анализе источников, круг которых ограничен эпистолярным наследием М. Врубеля и его окружения, перепиской Л. Н. Толстого, а также мемуарной литературой, представленной воспоминаниями близких и знакомых М. А. Врубеля, среди них особую ценность представляют воспоминания Е. И. Ге, К. А. Коровина, М. А. Нестерова, И. С. Остроухова. Важнейшими источниками являются труды Л. Н. Толстого, в которых он излагал свою позицию по вопросам культуры и искусства, прежде всего трактат «Об искусстве».

В комплексе исследований художественного творчества Михаила Врубеля специально вопрос о взаимоотношениях с Л. Н. Толстым не рассматривался, тем не менее, большую значимость имеют труды Н. А. Дмитриевой, П. К. Суздалева, В. Домитеевой, З. Д. Коган. С их помощью формируется представление о мировоззрении художника и его роли в художественной жизни России конца XIX – начала XX вв.

Результаты

Одним из крупнейших представителей модерна и символизма в русском изобразительном искусстве являлся Михаил Александрович Врубель, художник, обладавший невероятной индивидуальностью и самобытным характером.

Врубель родился через 28 лет после Толстого, но есть некоторые факты, которые обращают на себя наше внимание. И Врубель, и Толстой закончили свой жизненный путь в 1910 г. Размышлять о влиянии Льва Николаевича на творчество художника очень сложно, круг источников ограничен и не позволяет делать однозначные выводы. Тем не менее, будучи младшим современником Толстого, Михаил Александрович не мог оставаться в стороне от современных ему литературно-художественных дискуссий, и, конечно, имел собственное мнение о Толстом.

Не случайно Константин Бальмонт ставит Толстого и Врубеля в один ряд «гениев-охранителей великого царства России». «...четыре имени особенно значительны и указующи в наши дни крушения старого мира и стихийного приближения новой эпохи. Два имени мало известны Европе, два - обошли не только все страны Европы, но и весь земной шар. Эти имена - Достоевский, Толстой, Врубель и Скрябин.

Каждое из этих имен, по-своему, в корне опрокидывает старый мир и зовет к совершенно новому строительству. Врубеля, живопись которого есть не только живо-

пись, но и вдохновенное тайночтение человеческой души, знают те из французов, которые интересуются русским искусством. Огненную музыку Скрябина, нашедшего новые музыкальные пути, неведомые ни Вагнеру, ни высоким французским композиторам, могла создать только душа, которая сжигает целый лес, чтоб явить новое изумительное поле. Влияние Достоевского и Толстого на европейское художественное творчество уже многолетнее, и русла этих потоков широки» [3, с. 48]. К. Бальмонт был лично знаком с писателем и имел к нему особое отношение, говорил о нем как об исполине и полубоге. «Лев Толстой - истый сын земли, первородный, дух земли, творящей и желающей, олицетворенье всех ее хотений. Во всем, чего он ни хотел, к чему ни прикасался, он доходил до грани, приближался к полярности, упивался вот этим, во что он сейчас вошел, но, упившись, уже чувствовал зовущий голос, и смотрел дальше, и никогда себя не знал» [2]. Мнение К. Бальмонта можно рассматривать как личное и субъективное, но для нас имеет значение тот факт, что «гениями-охранителями» он называет только четырех представителей русской культуры, среди которых два писателя, один композитор и только один художник.

Бальмонт справедливо отмечает, что по сути весь жизненный путь Л. Н. Толстого состоял из постоянных поисков самого себя, попытках открыть нечто новое и проявить в этом новом самого себя. Но точно также жизнь Михаила Врубеля состояла из постоянных поисков себя и своего места в искусстве.

Уникальность данного исторического периода состоит в том, что современниками являлись абсолютно разные мастера художественной культуры, по-своему гениальные, но стоявшие на противоположных позициях. В данном контексте следует вспомнить Н. Н. Ге, ставшего последователем Толстого, их близкая многолетняя дружба базировалась на близости морально-общественных взглядов, прежде всего, а не восприятию Толстым творчества Ге. «Цена необычайно высоко Ге, как человека, признавая его исключительную роль, как пропагандиста в изобразительных формах близких себе идей, и помогая ему всячески внешне в этой пропаганде, он внутренне и органически чувствует себя чуждым его искусству... Наоборот, отношения Ге к Толстому складывались гораздо проще, потому что в Толстом два его облика и два пути его деятельности, как художника, и как моралиста, ко времени сближения его с Ге, резко обособились один от другого» [15].

Если Николай Николаевич Ге воспринимается критикой как последователь Л. Н. Толстого, то Михаила Врубеля противопоставляют ему как «воинствующего» антитолстовца. Известно, что родная сестра жены Михаила Врубеля Надежды Ивановны Забелы-Врубель Екатерина являлась женой младшего сына Н. Н. Ге Петра, Екатерина Ивановна была очень близка к семейству Врубелей и оставила любопытные мемуары о художнике. Данный факт свидетельствует о тесных связях внутри художественного мира России конца XIX – начала XX веков и возможности знакомства и общения художника с писателем.

Опосредованное воздействие личности Л. Н. Толстого на М. А. Врубеля мы можем проследить еще с юности художника. Не случайно в студенческие годы, во время обучения на юридическом факультете Петербургского университета, Врубель создает несколько рисунков-набросков к роману «Анна Каренина» - «Свидание Анны Карениной с сыном», «Анна Каренина» и «Анна перед гибелью». Роман вышел на страницах журнала «Русский вестник» в 1877 г., в настоящее время эти рисунки М. Врубеля хранятся в фондах Государственной Третьяковской галереи.

Исследователи отмечают, что более законченным является первый эскиз, посвященный одной из ключевых смысловых сцен романа, а именно свиданию Анны с сыном Сережей. Многие художники иллюстрировали роман Толстого, вариаций изображения Анны и этой сцены огромное количество, но версия, предложенная Врубелем, обладает характерной для художника индивидуальностью. Автор монографии

о М. Врубеле Д. З. Коган писала: «Рисунок, изображающий свидание Анны с сыном, характерен сочетанием в нем двух аспектов в решении образа – юридического и эстетического, которые вполне отвечают существованию Врубеля в это время. В самом деле, в этом рисунке Врубель, кажется, осмысляет судьбу героини с точки зрения правосудия: «преступление» и «наказание». Правда, правосудие не земное, а высшее, небесное – беспощадный божеский суд, божеский приговор, высказанный в эпитафии «Мне отмщение и аз воздам». Весь образ пронизан светом этой божеской беспощадности» [10, с. 30].

Как феномен интермедальности рассматривала эту иллюстрацию С. А. Асеева. Иллюстрирование художественных произведений представляет собой один из видов интермедальности, сущность которой состоит в воспроизведении явлений какого-либо искусства через средства другого. «В данном контексте иллюстрирование предстаёт как перевод литературно-художественного текста на язык живописи» [1]. По мнению С. А. Асеевой, «...несмотря на мировоззренческие расхождения писателя и художника, его рисунок «Свидание Анны Карениной с сыном» можно считать успешным примером интермедального взаимодействия эпизода в тексте романа с иллюстрацией Врубеля» [1]. Анализируя философско-мировоззренческие взгляды художника и писателя на данную сцену, С. А. Асеева приходит к выводу о том, что они имеют расхождения. «У Толстого для Анны кульминационна и в эмоциональном, и в провиденциальном плане. Именно этот эпизод – точка невозврата в прежнее состояние, начало духовного падения героини, в итоге приведшего её к физической гибели, самоубийству. В философском понимании Толстого трагедия Анны заключается в разрыве духовной связи с сыном и в невозможности исправить это положение». «Для Врубеля образ героини романа привлекателен сочетанием красоты, страстной любви и греха. Грехопадение Анны сближает её с Демоном, падшим Ангелом, одновременно эстетически прекрасным и ужасным» [1].

Действительно, многие критики отмечают, что образ Анны представляет собой первого демона Михаила Врубеля. Это выражается в страстности и порывистости ее фигуры, использовании мрачного рокового колорита, ее пламенный взгляд страшен, а вся фигура напоминает летящую хищную птицу. В то же время не стоит забывать, что это работа начинающего художника, что рисунки к «Анне Карениной» еще юношески незрелы. Об этом свидетельствует слишком явная красота Анны, ее нарядное салонное платье, придающее сходство с журнальной картинкой. В выражении лица есть черты театральности, а внешность Сережи несколько кукольна. Композиция включает не только главных действующих лиц, но и большое количество предметов, драпировок, что напоминает работу, основанную на переосмыслении опыта многих крупных мастеров, а возможно и гравюр. Как отмечала искусствовед Д. З. Коган, «во всей старательности, мелочной тщательности чувствуется, как упоен Врубель, как он стремится выточить свой шедевр. И при юношеской незрелости рисунок поражает экспрессией чувства и особенно некоторыми чертами исполнения: каллиграфической отточенностью, кружевной разработкой деталей. Здесь уже появляется особенная, чисто врубелевская филигранность, особенная нарядность самого рисунка, самой линии, формы. В развитом и измененном, конечно, виде эти черты будут присущи искусству Врубеля всю жизнь, и складываться они начали уже сейчас» [10, с. 32].

Л. Н. Толстой в самом начале романа сообщает читателю о неизбежности трагического финала, это понятно из эпитафии к произведению: «Мне отмщение и аз воздам». Эта неизбежность сразу же считывается и в образе, созданном М. Врубелем. В то же время Анне Михаила Врубеля свойственна двойственность – земного и небесного, божественного и человеческого, здесь поднимается один из главных вопросов христианства – возможность выбора для каждого человека, какой поступок совершить и на чьей стороне оказаться.

Через много лет уже известный художник Михаил Александрович отстранился от Л. Н. Толстого и его творчества. К сожалению, круг источников, к которым мы можем обратиться крайне узок.

В письмах самого Михаила Александровича несколько раз упоминается имя Толстого. В 1892 г. в письме сестре Анне встречается имя Толстого в контексте его сравнения как писателя с творчеством Г. Ибсена: «...я на днях в Малом театре видел «Северные богатыри» Ибсена, и мне страшно понравилось..., по-моему, это более гуманней Толстой и потому глубже, и шире видящий» [4, с. 58]. Таким образом, понятно, что с художественными произведениями Л. Н. Толстого Врубель был хорошо знаком.

Особую группу источников об отношении Врубеля к Толстому составляют косвенные свидетельства, переданные третьими лицами. Это, в первую очередь, записки Екатерины Ивановны Ге. Описывая последние годы жизни Михаила Александровича, она отмечала: «Толстого же он не любил. Учение Толстого было Михаилу Александровичу антипатично, но даже когда Врубель говорил о художественных произведениях Толстого, заметно было какое-то личное раздражение. Он уверял, что "Война и мир" и "Анна Каренина" только потому нравятся, что в них хорошо описана барская обстановка и простым смертным приятно, что разные князья и графы довольно похоже на них думают, что хорошо у Толстого только "Детство и отрочество" и "Севастопольские рассказы", хуже "Война и мир", а "Анна Каренина" — второстепенный роман. Врубель укорял Толстого, что он несправедлив к собственным героям, что он, например, Анну Каренину с самого начала не любит и потому и дает ей так ужасно погибнуть, не любит князя Андрея и потому все его раненым держит» [6].

Естественно, что имя Льва Николаевича Толстого так или иначе обсуждалось в кругу семьи Врубелей и их друзей, тем более, что есть упоминания о том, что Лев Николаевич однажды бывал в гостях на хуторе у своего друга Николая Николаевича Ге, где часто гостили и Врубели. Не сохранилось никаких свидетельств о том, встречались ли лично Толстой и Врубель, возможно, такая встреча и имела место, но была мимолетна и не значительна, так как в воспоминаниях Толстого и людей, окружавших его постоянно, также нет никакого упоминания имени Михаила Врубеля.

Любопытным источником являются записки Михаила Врубеля «Разговор с великой знаменитостью» [11, с. 195–197] о встрече с Толстым, с трудом расшифрованные и опубликованные в журнале «Звезда» в 1973 г. Основываясь на этом источнике, многие исследователи утверждают, что Врубель и Толстой встречались в Ясной Поляне. Однако, в самой Ясной Поляне, где секретари и домашние Толстого фиксировали все его встречи и беседы, никаких упоминаний о ней не имеется. Неприязнь художника к Толстому, вероятно, достигла тогда своей крайней точки и выражалась не только в критике взглядов, но и оценке внешности писателя: «угрюмые, пронзительные, волчьи, голодные очи» хозяина усадьбы. «Некоторое время оглянуться – не худо, но для этого надо иметь по крайней мере «Скучную Поляну» [11, с. 196]. В оценке Врубелем Толстого просматривается нечто личное, какая-то обида или неудовлетворенность. Эти черновые записки относятся хронологически к 1898 – 1899 годам, как раз тогда в свет вышел трактат Л. Н. Толстого «Об искусстве», вызвавший крайне противоречивые оценки. Врубель его воспринял отрицательно.

Как сообщает в своей книге о художнике В. М. Домитеева, «Врубель трактат Толстого прочел внимательно» [9]. Как известно, сам Михаил Александрович постоянно находился в поисках «истинного» искусства, обращение к истокам народной культуры, национальным традициям – эти постулаты модерна имеют общие черты с идеями, которые озвучивал Л. Н. Толстой, однако художники модерна, и прежде всего Врубель, на первое место возводили «прекрасное», «красоту» как цель своего творчества. По словам Н. А. Дмитриевой, «обращение к национальным народным истокам -

эта струя естественно вливалась в русло модерна; ведь в изобразительно-орнаментальном фольклоре любого народа так много сказочного, волнующего воображение. Но, конечно, модерн и эти традиции переосмысливал на свой лад, сообщая национальным мотивам свой собственный изыск... Главный нерв модерна как такового — культ красоты в ее меланхолически загадочных, мечтательных, пряных, заманчиво странных аспектах. Эстетический идеал модерна был достаточно хрупок, подвержен легкому соскальзыванию в манерность и поэтические штампы» [8]. Л. Н. Толстой в своем разгромном трактате «Что такое искусство?» писал о современных художниках: «Как богословы разных толков, так художники разных толков исключают и уничтожают сами себя. Послушайте художников теперешних школ, и вы увидите во всех отраслях одних художников, отрицающих других: в поэзии — старых романтиков, отрицающих парнасцев и декадентов; парнасцев, отрицающих романтиков и декадентов; декадентов, отрицающих всех предшественников и символистов; символистов, отрицающих всех предшественников и магов, и магов, отрицающих всех своих предшественников; в романе — натуралистов, психологов, натуралистов, отрицающих друг друга. То же и в драме, живописи и музыке. Так что искусство, поглощающее огромные труды народа и жизнью человеческих и нарушающее любовь между ними, не только не есть нечто ясно и твердо определенное, но понимается так разноречиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумеется под искусством и в особенности хорошим, полезным искусством, таким, во имя которого могут быть принесены те жертвы, которые ему приносятся» [13, с. 32].

Толстой пишет о том, что «для того, чтобы удовлетворить требованиям людей высших классов», художники выработали приемы для создания предметов, «подобных искусству». Один из этих приемов — заимствование, именно так он характеризует обращение к сюжетам прежних поэтических произведений и их последующую переработку. Далее Толстой пишет о том, что «характерным образцом такого рода подделок под искусство в области поэзии может служить пьеса Ростана «Princesse Lointaine», «Принцесса Грёза», в которой нет искры искусства, но которая кажется многим и, вероятно, ее автору очень поэтичной» [13, с. 114]. Как известно, в 1896 г. Врубель написал свое панно для нижегородской ярмарки по мотивам именно этого произведения как некую мечту о прекрасном. История с панно «Принцесса Греза» была для Врубеля особенно болезненной, так как фактически привела к травле художника. «Толпа смеялась над работами г. Врубеля» [5, с. 2], — отмечал Н. П. Гарин-Михайловский на страницах газеты «Новое время». «О, новое искусство! — писал Горький в заключение своей ругательной статьи о работах Врубеля. — Помимо недостатка истинной любви к искусству, ты грешишь еще и полным отсутствием вкуса... В конце концов, что все это уродство обозначает? Нищету духа и бедность воображения? Оскудение идеализма и упадок вкуса? Это простое оригинальничанье человека, знающего что-то для того, чтоб стать известным». [7, с. 165] Однако следует понимать, что именно «Принцесса Греза» стала выражением творческого кредо художника: истина в красоте.

Трактат Толстого фактически перечеркивал все достижения мировой художественной культуры. Н. А. Дмитриева писала: «...Врубель и сам был максималистом, человеком крайностей. «Крайности» его и Толстого были несовместимы — только время, только история могут по справедливости отдать должное обоим. Символ веры Врубеля был — «истина в красоте», Толстой же подвергал сомнению само понятие красоты, как расплывчатое, темное и только мешающее ясному взгляду на вещи» [8, с. 100]. Для Врубеля более предпочтительными становятся идеи Ф. Ницше, таким образом мы можем говорить о том, что к началу 1900-х годов Врубель окончательно отвергает Толстого. Михаил Александрович писал в письме Е. И. Ге в 1902 г.: «Надя находит, что я тебя напрасно обижаю выходками против Толстого, нет, не напрасно:

надо вылечиться от привычки толочься, как комары в вечернем воздухе» [4, с. 95]. Он утверждал: «Когда искусство изо всех сил старается иллюзионировать душу, будить её от мелочей будничного величавыми образами, тогда он (Толстой) с утроенной злостью защищает свое половинчатое зрение от яркого света».

В 1900-е годы конфликт о месте искусства в эстетической культуре случился внутри объединения художников «Мир искусства». В письме И. С. Остроухову Врубель излагает свои мысли эмоционально и драматично, а имя Толстого упоминается как нарицательное: «Мы, Мир искусства, хотим найти для общества настоящий хлеб, а не кормить его московским Евангелием и Толстовской указкой. Помяните мои слова: не пройдет и 5 лет, вы выродитесь в эпигонов передвижничества, только поуже» [4, с. 77].

Многие критики рассматривают работу М. Врубеля над «Демоном поверженным» и представление ее на выставке «Мир искусства» 1902 года как некий вызов Толстому и последователям великого старца, ожидая острой критики и обвинений.

Примерно в то же время М. Врубель отправил письмо Е. И. Ге, в котором его язвительность и неприятие по отношению к Толстому достигают своего максимума. В письме Врубель противопоставляет Толстому и его пониманию искусства линию немецкой философии, идущую от Канта. «Когда наука открывает величественные горизонты «необходимостей», и гениальный немец показал бессилие и дрянность измышленных человеком «возможностей» перед «необходимостью», тогда милые скоты с Толстым во главе нашли своевременным отрыгнуть одну из «возможностей» и зачавкать эту застоявшуюся в их желудках кашу, которая имела в свое время свойства настоящей пищи, а с течением веков в желудках идиотов превратилась в американствующую хлыстовщину» [4, с. 95]. Однако многие исследователи склонны думать, что сознание Михаила Александровича в данный период было уже не вполне здоровым.

В том же 1902 г. художник создает своего знаменитого «Пана», некоторые современные исследователи высказывают свои предположения о сходстве внешних черт изображенного Врубелем сатира и писателя Льва Толстого [14]. Однако, известно, что картина была написана под впечатлением от прочитанного Михаилом Александровичем рассказа Анатоля Франса «Святой сатир». Особенностью интерпретации античного пана, предпринятой Врубелем, является его русификация. А. Ягодская в своей книге «М. А. Врубель» замечает: «...художник превратил античного лесного бога в русского лешего, фигура старика, обросшего серым мхом, словно старый пенёк, естественно вырастает из родного, чем-то знакомого пейзажа» [14]. В. Успенский, высказавший данную гипотезу, не приводит прямых доказательств, она основывается на косвенных упоминаниях и догадках, таким образом не может использоваться нами как достоверный материал. Он пишет в своей статье: «А был ли прообраз у врубелевского Пана? Рискую предположить, что был. И это, как мне кажется, Лев Николаевич Толстой. Не точный, конечно, его портрет, а только напоминание некоторых черт писателя, поскольку встреча или встречи Врубеля с ним были и внешний его образ сохранился в великолепной памяти художника» [14]. Хотя, конечно, некое сходство в изображении пронзительного взгляда, седой бороды и широкого носа, можно найти, но в таком случае, на наш взгляд, можно отметить также внешнее сходство с Толстым «Колдуна» - персонажа, изображенного в качестве эскиза к опере П. И. Чайковского «Чародейка», написанного в 1900 г.

В рамках данной работы мы попытались наметить основные направления, по которым можно анализировать восприятие художником Михаилом Александровичем Врубелем личности Льва Толстого – писателя, мыслителя, философа. Их можно сформулировать следующим образом: 1) М. Врубель и художественные произведения Л. Н. Толстого-писателя (роман «Анна Каренина» и иллюстрации к нему, «Война и

мир», «Детство», «Севастопольские рассказы» – несомненно Врубель читал главные произведения Толстого, об этом он упоминает в письмах Е. И. Ге); 2) эстетическое мировоззрение М. Врубеля как художника-символиста и Л. Н. Толстого; 3) восприятие Толстого как человека, бросившего вызов обществу в социальных, общественных и политических вопросах. Активная позиция Л. Н. Толстого раздражала Врубеля, он считал, что в своей деятельности и взглядах Толстой был неискренним, декларируя тезисы об опрощении и непротивлении, сам оставался таким же избалованным баринном, каковым являлся в молодые годы.

Любопытный разговор с М. Врубелем на тему жизни за границей передает в своих воспоминаниях К. Коровин. «Мне нравится: там как-то больше равенства, понимания. Но я не люблю одного: там презирают бедность... А в России есть доброта и нет меркантильной скупости. Там неплохо жить – я люблю, так как там л тебе никто не заботится. Здесь как-то все хотят тобой владеть и учить взглядам, убеждениям... Подумай, как трудно угодить, например, Льву Николаевичу Толстому. Просто невозможно» [4, с. 250]. Из этого фрагмента становится понятно, что так сильно раздражало Врубеля – это морализм Толстого, его образ великого учителя.

Е. И. Ге вспоминала в своих дневниках беседу на даче Н. Н. Ге от 30 июля 1897 г.: «За обедом говорили о толстовщине и очень горячились и сердились, - и даже мягкий, любезный Врубель горячился и говорил, что, читая Толстого, нельзя заснуть» [4, с. 268].

Знакомый с художником С. П. Яремич вспоминал: «Об одном только Толстом он мог спорить до ожесточения... Ненависть его к Толстому была так велика, что даже в шутку он не мог об этом говорить равнодушно» [16, с. 150–151].

Заключение

Масштаб личности Толстого и его мощное воздействие на культурную и в том числе художественную жизнь вызывали ненависть со стороны художника, который, возможно, таким образом реагировал на собственные неудачи, часто встречаясь с непониманием и насмешками. Тем не менее, игнорировать влияние Л. Н. Толстого на общественность невозможно, и М. А. Врубель испытывал его на себе. В последние годы жизни эстетические взгляды самого Михаила Александровича претерпели изменения. Н. А. Дмитриева приводит в своей книге выдержку из дневников Е. И. Ге начала 1902 г.: «Вкусы его артистические совершенно переменялись. Теперь он презирает художников, которые не интересуются смыслом, даже словами, а прежде он признавал только искусство для искусства» [8, с. 132].

В заключении следует признать, что однозначных выводов о возможном влиянии личности Льва Толстого на Михаила Врубеля мы сделать не можем, в связи с недостатком прямых источников. Остается ряд нерешенных вопросов, требующих дальнейшего изучения темы. Это, прежде всего, вопрос о встрече Толстого и Врубеля. Действительно ли она имела место, если – да, то где состоялась – в Ясной Поляне, московском доме Толстого или на даче Н. Н. Ге? В таком случае остается неясным, почему в дневниках и воспоминаниях самого Толстого, а также его секретарей или членов семьи нет никаких упоминаний об этом. Проблему возможного влияния личности Л. Н. Толстого на творчество Врубеля следует, на наш взгляд, определять в контексте косвенного воздействия мировоззренческой системы писателя, вызывавшей инициативу высказывания собственных идей со стороны художника.

Список источников и литературы

1. Асеева С. А. Иллюстрация М. А. Врубеля к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина» как феномен интермедальности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. №

- 3 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/illyustratsiya-m-a-vrubelya-k-romanu-l-n-tolstogo-anna-karenina-kak-fenomen-intermedialnosti> (дата обращения: 24.02.2023).
2. *Бальмонт К. Д.* Избранник (Лев Толстой) : электрон. версия ст. // Русское слово. 1910. 25 нояб. (8 дек.). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/balmont-izbrannik.htm> (дата обращения: 24.02.2023). Доступна на сайте tolstoy-lit.ru.
3. *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6: Край Озириса; Где мой дом? Очерки (1920 – 1923); Горные вершины : сб. ст.; Белые зарницы: Мысли и впечатления. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 622 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.litmir.club/bd/?b=243324> (дата обращения: 20.02.2023). Доступна на сайте ЛитМир: электрон. б-ка.
4. *Врубель. Переписка: Воспоминания о художнике.* Л.: Искусство, 1976. 384 с.
5. *Гарин-Михайловский Н.* Жюри и художник // Новое время. 1896. № 7295.
6. *Ге Е. И.* Последние годы жизни Врубеля // Искусство и печатное дело. 1910. № 8-9; № 10.
7. *Горький М.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 23: Статьи, 1895-1906. М.: Худож. лит., 1953. 464 с.
8. *Дмитриева Н. А.* Михаил Врубель. Жизнь и творчество. М.: Дет. лит., 1988. 143 с.
9. *Домитеева В. М.* Врубель. М.: Мол. гвардия, 2014. 479 с.
10. *Коган Д. З.* Михаил Врубель. .: Терра-кн. клуб, 1999. 540 с.
11. *Кузьмина Л. И.* Л. Н. Толстой. Из неопубликованного // Звезда. 1973. № 8. С. 195–197.
12. *Пайман Аврил.* История русского символизма. М.: Республика, 2000. 415 с.
13. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Репр. воспроизведение изд. 1928–1958 гг. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Терра, 1992. Т. 30. 605 с.
14. *Успенский В.* Врубель рисует «Пана» : электрон. версия ст. // Нева. 2004. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2004/4/vrubel-risuet-8220-pana-8221.html> (дата обращения: 01.02.2023). Доступна на портале Журнальный зал: литературный интернет-проект.
15. *Фабрикант М.* Толстой и изобразительные искусства (контуры проблемы) : электрон. версия ст. // Эстетика Льва Толстого : сб. ст. / под ред. П. Н. Сакулина. М.: Гос. академ. худож. наук, 1929. С. 309–324. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/fabrikant-tolstoj-i-izobrazitelnye-iskusstva.htm> (дата обращения: 20.02.2023). Доступна на сайте tolstoy-lit.ru.
16. *Яремич С. П.* М. А. Врубель. М.: И. Кнебель, 1911. 188 с.

References

1. Aseeva, SA 2015, 'Illyustratsiya M. A. Vrubelya k romanu L. N. Tolstogo «Anna Karenina» kak fenomen intermedialnosti' (Mikhail Vrubel's illustration to Leo Tolstoy's novel «Anna Karenina» as a phenomenon of intermediality), *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, no. 3 (21), viewed 24 February 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/illyustratsiya-m-a-vrubelya-k-romanu-l-n-tolstogo-anna-karenina-kak-fenomen-intermedialnosti> (In Russ.)
2. Balmont, KD 1910, 'Izbrannik (Lev Tolstoy)' (The Chosen One (Leo Tolstoy), *Russkoye slovo*, 25 November (8 December), viewed 24 February 2023, <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/balmont-izbrannik.htm> (In Russ.)
3. Balmont, KD 2010, *Sobraniye sochineniy. Kray Ozirisa. Gde moy dom? Ocherki (1920 – 1923). Gornyye vershiny. Belyye zarnitsy: Mysli i vpechatleniya* (Collected works. The land of Osiris. Where is my home? Essays (1920 – 1923). Mountain peaks. White Lightning: Thoughts and Impressions), vol. 6, Knizhnyy Klub Knigovok publ, Moscow, viewed 20 February 2023, <https://www.litmir.club/br/?b=243324&p=48> (In Russ.)
4. *Vrubel. Perepiska: Vospominaniya o khudozhnike* (Vrubel. Correspondence. Memories of the artist) 1976, Iskusstvo publ, Leningrad (In Russ.)
5. *Garin-Mikhaylovskiy, N* 1896, 'Zhyuri i khudozhnik' (Jury and artist), *Novoye vremya*, no. 7295. (In Russ.)
6. *Ge, EI* 1910, 'Posledniye gody zhizni Vrubelya' (The last years of Vrubel's life), *Iskusstvo i pechatnoye delo*, no. 8-10. (In Russ.)

7. Gorkiy, M 1953, *Sobraniye sochineniy. Statyi 1895-1906* (Collected workst. Articles 1895 – 1906), vol. 23, Khudozh. lit. publ, Moscow (In Russ.)
8. Dmitriyeva, NA 1988, *Mikhail Vrubel. Zhizn i tvorchestvo* (Mikhail Vrubel. Life and creativity), Det. lit. publ, Moscow (In Russ.)
9. Domiteyeva, VM 2014, *Vrubel* (Vrubel), Molodaya gvardiya publ, Moscow (In Russ.)
10. Kogan, DZ 2013, *Mikhail Vrubel* (Mikhail Vrubel), Terra-kn. Klub publ, Moscow (In Russ.)
11. Kuzmina, LI 1973, 'L. N. Tolstoy. Iz neopublikovannogo' (Leo Tolstoy. From unpublished), *Zvezda*, no. 8, pp. 195–197. (In Russ.)
12. Pyman, A *Istoriya russkogo simvolizma* (A history of Russian symbolism) 2000, trans. V. V. Isakovich, Respublika publ, Moscow (In Russ.)
13. Tolstoy, LN 1992, *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Works), vol. 30, Terra publ, Moscow (In Russ.)
14. Uspenskiy, V 2004, 'Vrubel risuyet «Pana»' (Vrubel draws "Pan"), *Neva*, no.4, viewed 1 February 2023, <https://magazines.gorky.media/neva/2004/4/vrubel-risuet-8220-pana-8221.html> (In Russ.)
15. Fabrikant, M 1929, 'Tolstoy i izobrazitel'nyye iskusstva (kontury problemy)' (Tolstoy and fine arts (contours of the problem)), *Estetika Lva Tolstogo*, Gos. akadem. khudozh. nauk publ, Moscow, pp. 309–324, viewed 20 February 2023, <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/fabrikant-tolstoj-i-izobrazitelnye-iskusstva.htm> (In Russ.)
16. Yaremich, SP 1911, *M. A. Vrubel*, I. Knebel publ, Moscow (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.03.2023
Одобрена после рецензирования: 23.03.2023
Принята к публикации: 27.03.2023

The article was submitted: 18.03.2023
Approved after reviewing: 23.03.2023
Accepted for publication: 27.03.2023